

Владимир Зенков

Сборник

Земля незнакомая

16+

Владимир Зенков
Земля неизвестная. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Зенков В. В.

Земля незнаемая. Сборник / В. В. Зенков — «ЛитРес: Самиздат», 2004

В детстве меня очень мучил вопрос: а какие они были настоящие, мои любимые герои из моей самой любимой книги "Слово о полку Игореве". Уже тогда я подозревал, что настоящие герои сильно отличаются от своих иконописных изображений. Но, только много лет спустя я понял, что этого я никогда не узнаю, если сам не придумаю их реальную жизнь. Отчего-то среди людей бытует устойчивое мнение, что все пришельцы непременно завоеватели и агрессоры. Но ведь вы можете завоевать чью-то любовь без всякой агрессии - для этого есть масса других средств: покорить человека, скажем добротой, щедростью, открытостью и чистотой души. Но это одного, а целую цивилизацию как? Да точно так же, только методы должны быть непременно одинаковыми. А какова обыденная жизнь у чудотворцев? Ну, уж легкой ее никак не назовешь. Человек поклоняется иконе, а ежели ваш коллега набрался наглости стать чудотворцем, причем настоящим? Ага, вот-вот, "ату его, каналью!" Так что, если у вас есть такие планы, подумайте как следует.

© Зенков В. В., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

Земля неизвестная

О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Зима была малоснежной. Злая поземка вилась по невысоким вылизанным сугробам, срывала фонтанчики колючего снега, раскачивала сухие травы. Маленькое негреющее солнце лениво всползло на ярко-голубой небосклон. Морозный ветер жестоко стискивал лицо, от него сплпалось в носу и перехватывало дыхание.

Трое взлетели на гребень невысокого холма, спешили, прячась за молодым сосняком. В распадке лежала деревня – домишки из кривых дубовых бревен, очеретяные крыши, скудные дымки из волоковых окошек.

Один из троицы, совсем молодой еще, скуластый, черноглазый с остренькой, тщательно подбритой бородкой, сдвинул на затылок рысий треух, подобрал полы стеганого дорогого халата и полез в неглубокий сугроб. Осторожно выглянул из-за лапника и тут же возвратился. Тщательно сбил снег с войлочных расшитых сапог, повернул к спутникам смуглое лицо с красновато-коричневыми плитами здорового румянца, белозубо ухмыльнулся:

– Айда подразним урусов – и легко взлетел в седло аргамака.

У колодца всадники остановились и, не спешиваясь, стали задирать баб, набравших воду. Молодой, маслено блестя глазами, дразнил крепкую голубоглазую молодку в расшитом кожаном:

– Эй, девка, поехали со мной. Любить тебя буду, золотом обвешаю, мясо каждый день кушать станешь, любимой женой тебя сделаю!

Та сердито сплюнула:

– Тьфу ты, нечисть, басурменин треклятый!

Подхватила ведра, но не ушла, встала в сторонке – разбирало любопытство.

Вылезшие из избенок мужики задумчиво смотрели на всадников, тихонько переговаривались.

Один из них могучий, кряжистый с лицом словно дубовое корье, прищурил остренькие глазки:

– А знатная у кипчака сабля – вся в серебре. Да и кони на загляденье, вот бы продуванить. Филипп, ты сходил бы за рогатинами.

Филипп, здоровенный нескладный дылда, с красной, словно обваренной рожей и торчащими из-под пояркового колпака патлами, просипел:

– Сходить недолго, да ведь они ждать не станут – перебьют как куропаток.

– Ништо, мороз здоровый, тетивы миглом полопаются.

– Эх ты, темнота. Сразу видно – пришлый. Они их в бараньем сале вываривают, никакой мороз не страшен. Да и у князя нашего семь пятков на неделе, да все разные. То воюет с ними, то братается. Намедни опять двух половчанок в наложницы привез. Тронь этих, завтра шкуру с тебя спустят. Давно ли Рюрик Киевский у Долобска нашему княженьке сала за шкуру залил, едва со своим дружком поганым Кончаком ноги унес.

Маленький мужичонка, утерев нос рукавом, проговорил с опаской:

– Вы бы, братья, того... Поосторожней. Дойдут до тиуна такие речи...

Филипп пренебрежительно глянул на него:

– Кроме тебя и донести некому. И прозвище у тебя верное “Болтай ногами”, так и смотришь как бы сбегать да нашептать на кого. Гляди, загнем салазки, света белого не взвидишь.

Половцы, заподозрив неладное, тронули коней. Молодой вытянул плетью деревенского дурачка Агашку, торчавшего посреди дороги, обернулся, крикнул:

– Травка подрастет – приеду за тобой, девка. Жди!

Захохотав, гикнул и троица мгновенно исчезла в сполохах бешеной поземки.

Тогда вступил Игорь князь в злат стремя
И поехал по чистому полю
Солнце ему тьмою путь заступаше;
Ночь стонуше ему грозою птичь убуди,
Свист зверинь вста...

Дубрава тонула в предрассветном сумраке. В верхушках деревьев осторожно пролетел ветерок, залопотали листья. Угасающие угли костра спрятались под пушистым пеплом, остро потянуло смолистым дымком. Высоко в ветвях неожиданно громко застонала горлинка. Часовой, опираясь на копье, охваченный тяжелой дремой, вздрогнул испуганно, поспешно протер глаза. На покато лугу паслись стреноженные кони, коноводы, негромко переговариваясь, грелись кипятком. Кто-то, со сна взлохмаченный, выбрался из груды спавших вповалку, спотыкаясь, поплелся за кусты, присел на корточки.

Под обвисшими сводами отволгшего за ночь шатра было душно и сыро. Человек, лежавший на узком топчане, похрапывал, потом скрежетнул зубами, застонал – тяжело, мучительно. Дернулся, просыпаясь.

Отодвинув полог, в шатер бесшумно проскользнул старый гридень Демьян, тронул лежавшего за плечо:

– Утро, княже.

Откинув овчину князь тяжело поднялся с походного ложа, покряхтывая намотал портянки. Демьян помог натянуть мягкие козловые сапоги. Накинул алое корзно, вышел. Втянул ноздрями влажный воздух.

Князь спал дурно, мучали тяжелые предчувствия. В голове шумело после вчерашней попойки больше напоминавшей тризну. В гневе сжал кулаки, припомнив хмурые лица ближних бояр, племянника Святослава Ольговича, осторожные уклончивые речи черниговца Беловолода Просовича.

Демьян слил из кожного ведра, тихо проговорил:

– Княже, сотник Трибор к твоей милости.

К князю шагнул рослый сотник из дружины брата Всеволода, ходивший на разведку брода. Холщовые порты и рубаха перепачканы илом и тиной. Небрежно махнул поклон, дерзко щуря светлые разбойничьи глаза, белозубо ослабился:

– Есть добрый брод, княже. К вечеру доберемся.

Сотник посинел от утреннего холодка, его заметно трясло. Небось весь Оскол излазил. Игорь поморщился – распустил брательник любимчика. Вояка лихой, слов нет, но не по чину дерзок. Кинул Демьяну:

– Чару!

Трибор одним махом осушил чару крепчайшего меда – разгладилось лицо, повлажнели глаза.

Игорь, вздохнув, сказал:

– Ступай, поднимай сотню.

Трибор от избытка молодости, силы, подогретый медом, закинулся, заорал лещачьим голосом:

– Поднимайся, волчья сыть, мышцы причинные места поотгрызают!

Вылезший из шатра воевода Ольстин Олексич, тронув вислый ус, проворчал:

– Вишь ты, разорался, шпынь ненадобный.

Через час, тихо снявшись, дружины вышли в путь. Позвякивали сбруи, мягко стучали копыта. Впереди был Оскол.

А мои ти куряне сведоми кмети:
под трубами повити,

под шеломы взлелеяни,
конец копия вскормлени,
пути имь ведоми,
яругы имь знаеми,
луци у них напряжени,
тули отворени,
сабли изострени...

Дружины переправлялись по песчаному перекату. Брод, вначале мелкий, размесили, уже кое-где подплывали кони.

Шум, гам, матерная ругань. Дружинники цеплялись за натянутые с берега на берег вервья, погружались с головой, отплеывались, тащили в поводу коней. Надсаживались десятники, лупили нагайками неловких.

Вои на плечах тащили снаряжение, мелькали голыми задницами, выбираясь на низкий илистый берег. В стороне, на тщательно оберегаемой мелкоте, здоровенные мускулистые курыне бережно передавали по цепочке тяжелые конские тороки, плотно упакованные в тюки шатры, воеводские и княжеские укладки и прочую обозную дребедень.

Князь Игорь, уже на том берегу, перекосив жесткое высокомерное лицо, нервно ходил взад-вперед, постегивая ивовым прутиком по голенищам сапог.

Всеволод, небрежно кинув на траву корзно, безмятежно развалился на нем. Сын Владимир и племянник Святослав Рыльский угрюмо переговаривались, усевшись на корневище старой ракиты.

Князь был зол и испуган, мучительные сомнения легли на душу тяжелым камнем.

Все вначале складывалось удачно. Сколь можно в младших княжишках ходить? Хорошо там в Киеве двоюродному братцу Святославу править. Там большие дела, власть, влияние. Хочу – половцев сокрушу, хочу – княжишков за горло возьму. С такими силами что хошь можно сотворить. Удачлив. Песни о нем слагают, на гусях тренькают. А тут хоть лопни – земли грошовые, подумаешь – Новгород-Северский.

Как тщательно силы берег, от двух походов, затеянных Святославом уклонился. Что сраму-то было! Княжишки, ровно псы бешеные накинулись. Не могут простить союза с Кончаком, будто сами без греха.

Игорь вспомнил поражение под Долобском, где его с Кончаком наголову разбил Рюрик Ростиславович – скрипнул мучительно зубами. Пришлось удирать с Кончаком в одной лодке.

Ладно, потрясу половцев, совсем другой разговор будет. Ненавидяще, слепо, уставился на реку – я с вами поквитаюсь! И сразу внутренне осел. Да, все шло прекрасно. Выступили дружины сына и племянника, подошли черниговские ковуи, возглавляемые Ольстином Олексичем, все ладилось до этого проклятого знамения. И ведь не пустяк – силы небесные. Князь поежился, вспомнив, как страшно потемнело среди белого дня, как взбесились кони, как завыл ручной волк Архонт. Испугались все. Закрестились даже те, кто втайне Перуну поклонялись.

Игорь сжал кулаки – все, все против него. Все стали отводить взгляды, мямлить – словно им хребет перебили. Едко перекосился: трусы. Хотя, конечно, неплохо бы и вернуться. Однако, прикинув во сколько кун серебра уже обошелся поход, горестно махнул рукой. Мало позору, да ведь еще полкняжества разорил. Куда теперь – только вперед.

Натужно взял себя в руки, приосанился, сжал губы и сделал суровые глаза, как у Михаила Архангела на иконе, резко пролаял воеводе:

– Вели пошевеливаться! Ползают, как клопы. К вечеру чтобы шатры стояли. Брод старой жабе по титьки, а они уж тонуть начали. Кто станет захлебываться, велю как смерда батогами пороть.

Нежным изумрудным золотом сияла молодая трава, ракиты свешивали ветви в неподвижную воду, взблескивала, чертила гладь реки играющая рыба.

Загорелись неяркие еще костры. В холодеющем воздухе резко и дразняще разносился запах варева из котлов.

Гридни проворно раскинули кошмы, на чистой холстине расставили кубки, блюда. Кухари притащили жареную дичину, натужно приволокли котел с ароматной ухой.

Всеволод, которому горе веревочкой, потер здоровенные ладони, мягко рухнул мощным телом на кошму. Переполненный жизненной силой, непристойно громко заорал:

– А подавай-ка, князюшка, меда стоялые!

Выпили изрядно. Всеволод, обняв Игоря за плечи, душевно твердил:

– Един ты у меня брат. Один свет светлый.

Высулив очередную чару меда, стал хвалиться:

– Не бойся ничего, брате. Таких, как мои куряне нигде больше не сыщешь. Ты ведь того не знаешь – я отроков от мамок забираю, в дружине воспитываю. Сколь кун серебра потратил, от наложниц отказался – стремена и седла, и сбрую построил. Сабельки легонькие угорские для молодиков купил. Ни днем, ни ночью покоя дружине не даю. Ну уж по трудам и награда, не витязи – чистые волки. С завязанными глазами где угодно проскачут. А Трибора, сотника моего, что брод искал, видал? Коленями ребра коню ломает, кулаком по пьяному делу посадскому череп раскроил, право слово – не вру.

По ночной прохладе перебрались в шатер. Всеволод потянулся за чарой. Игорь нахмурился:

– Дост, брате. Время походное, сколь можно.

Всеволод сочно захохотал:

– Брат, ты за кого меня держишь? Мои дозоры во главе с вернейшими сотниками рыщут по степи. Ты ведь не удосужился побережечься от внезапного нападения, а мои охранения уже стоят на два полета стрелы вокруг лагеря – мышшь не проскочит. Твои вои дичину на ночь жрали, мои кроме каши ничего не получили, негоже с полным брюхом ложиться – не отдохнуть и легкости не будет. Это мы с тобой можем дурака валять, да и то, когда я обо всем распорядился и жестоко всем наказал. А что до хмеля – гляди!

Всеволод мгновенно выхватил засопожный нож, хекнув, сильным движением метнул его. Тяжелый клинок наполовину вошел в древко шатра.

Свистнул гридню:

– Ну-ка вытащи.

Гридень, оперевшись ногой в столб, двумя руками пытался вытащить нож. Смеясь, Всеволод поднялся, легко выдернул клинок – шатер затрясся. Сунул нож за голенище, хватил чарку угорского. Потянулся к бараньей ноге с чесноком, зачавкал:

– Хмель вышел, скажу все, что на душе, не серчай, брат. В поход этот я не верю. Не из-за знамения – на земле много народов живет, поди узнай кому вышние знак подавали. Нет у тебя сил в одиночку половцам носы квасить, хорошо, если малость потрясем их, да ноги целыми унесем. Иду потому что брат ты мне. Хоть это ты и сдуру затеял, а пойду с тобой до самой домовины.

Спал князю ушь похоти

И жалость ему знамение заступи

испити Дону великаго.

"Хошу бо, рече,-копие преломити

конец поля Половецкаго..."

Припекало. Дружины шли длинными колоннами по четыре в ряд. Копыта мягко выбивали из молодой травы прошлогодний сухой прах, опадавший ленивыми облачками. Плавилась ослепительно наконечники копий. Шли сторожко, по бокам колонны, на расстоянии полета стрелы рыскали разьезды, здесь всего можно было ожидать – земля неизвестная, поле Половецкое.

Накапились брони и шеломы. Струйки пота катились под бармицей, стекали за шиворот. рубаха намочила, хоть выжми, кожаная подкольчужница противно елозила по ней.

Даниил расстегнул мокрый скользкий ремень, снял шелом и пристроил его на луку седла. Ветерок приятно обдул голову. Слева ослепительно сияли меловые холмы, кое-где испятнанные потеками красной глины, покрытые дубовым лесом – его молодая листва радостно горела на солнце. На вершинах утесов раскинули плоские темные кроны могучие корявые сосны. Островки ракушек были до того нежны и кудрявы – хотелось погладить их рукой как голову ребенка.

Даниил бросил поводья, задумался. Слабеет власть золотого Киевского стола. Князя поглощены своими заботами, грызутся, как бешеные псы, дробят землю между своим многочисленным потомством, путаются с поганями, натравливают их на своих же. Половцам того и надо – им все в мощь. Пылают русские города и деревни, ветры посвистывают над русскими костями. Почували роскошь, хотят жить как угры, чехи, венецианцы, а взять неоткуда. Обдирают смердов, по деревням рыщут тиуны, выколачивая подати. Ставят смердов на правое, отнимают последнее – сами себя лишают богатства.

Уж вроде в Любече при Мономахе решили: “Каждо да держит отчину свою” – чего больше? Нет, и этого мало, дай у соседа земли отберу. Ах, князя, князя, как докричатся до вас?

Вот и Игорь, снесаемый завистью к удачным походам Святослава, решил в одиночку пройти по Половецкому полю. Разгорелось сердце – славы хочется. Даниил едко усмехнулся – ну и добычи, конечно. Да побольше.

А не дай бог не получится? Подумать страшно: Новгород-Северская, Черниговская, Курская земли, Путивль и Рыльск остались без прикрытия. Попробуй скажи. И то хорошо, хоть взяли.

Не любит Даниила Игорь, считает Святославовым наушником. Да и взял-то только из-за того, чтобы не вздумалось донести Святославу.

Даниил вспомнил, как на недавней пирушке черниговец Беловолод Просович осторожно завел речь о возможной неудаче. Игорь уставил на него бешеные глаза, процедил:

– Хочу копье преломить в конце поля Половецкого.

Неистойвой водей своей переломил всех. Даниил вздохнул: сила солону ломит. Копыта коней зашуршали в палой листве, крепко запахло сырой прелью. Колонна втягивалась в сумрачный распадок, пронизанный золотыми солнечными стрелами.

Длго ночь мръкнетъ
Заря светъ запала
Мгла поля покрыла.
Щекотъ славий успе;

В распахнутый полог шатра тянуло теплым влажным запахом листвы и молодой травы, мокрой землей. В недалеком ракушнике одурело заливался соловей. Даниил отбросил перо, сдвинул в сторону деревянные дощечки, покрытые воском, для скорой записи. Бережно приподнял пергамент, покрытый вязью, полюбовался.

Прошла спазма, стиснувшая горло, уходила постепенно сладкая боль, что наполняла сердце, оставляя светлые слезы, покой и опустошенность.

Он несколько раз перечитал написанное, уже не вникая в смысл, вслушиваясь только в музыку стиха. Хорошо! Он знал, что хорошо, что на всем Божьем свете никто лучше не напишет.

Закинул руки за голову, потянулся. Красноватый скудный язычок каганца всколыхнулся, затрепетал.

В голубом, размытом лунным светом, проеме полога появилась темная рослая фигура, согнувшись, бесшумно скользнула внутрь. Человек, споткнувшись о ноги спавшего у входа гридня Луки, ругнулся сквозь зубы матерно, выправился как кошка и с размаху опустился на затрепавший ивовый лежак.

Хороший приятель, сотник Трибор, белозубо ухмыльнулся:

– Пишешь, Боян?

Даниил с удовольствием посмотрел на него. Рослый, сухой, с шапкой спутанных русых кудрей. Глубокий вырез кожаной замасленной подкольчужницы открывает мощную мускулистую шею.

Расстегнул пряжку пояса, ловко стащил перевязь меча, бережно уложил его возле себя. Вытянув длинные ноги, кокетливо воткнул в кошму звездчатые угорские шпоры.

Даниил засмеялся:

– А ты, брат, от нагайки вовсе отказался?

Трибор вспыхнул, загорячился:

– Ты, друже, зря смеешься. Чего животину нагайкой пороть, тут только чуть под бока поддал – и летит, как птица. Угры, брат, не дураки, шпоры – доброе дело.

Даниил хмыкнул:

– То-то ты своему аргамачу намедни бока дегтем мазал. Какая разница – нагайкой ты его исхлещешь или шпорами затерзаешь.

Трибор махнул рукой:

– Чего с тебя взять, сынок боярский, ты в лошадях ни клепа не смыслишь.

Даниил, нагнувшись, потянул к себе Триборов меч – длинный, тяжелый, с серебряным яблоком на крыже.

– Небось франкский?

– Какое там, – Трибор ревниво перехватил меч, наполовину вытянул из ножен. Блеснул розоватый змеистый булат. С гордостью показал глубоко вырезанную надпись “Феодор делал”.

– Нашей работы, киевской. Гляди-ка, крыж сборный, нынче уже таких не делают. Нынче все цельнокованные, барахло.

Глянул в голубой разрез полога, прислушался к соловьиному пению, вздохнул:

– Хорошо бы сейчас бабеночку молодую. Позоревать бы с ней. А, Даниил?

Даниил засмеялся:

– Вот, подлец, ненасытный. Сколь девок перепортил, гляди, родня вязы свернет.

Трибор махнул рукой:

– Ништо, обойдется. Небось не нажалуются.

Лицо его в мерцающем свете каганца стало мягким:

– Они меня, чай, любят.

Потянул к себе пояс, стащил с него объемистую баклажку:

– Давай-ка ренского хлебнем. Княжий гридень Любомир достал.

Даниил скривился:

– И охота тебе с ним дружбу водить? Ни силы, ни ума – холуй холуем.

Трибор хорошо хватил из баклажки, перекопился “ну и кислятина”:

– Добро тебе, боярскому сыну, на батькиных вотчинах. Опять же угров посетил, у франков бывал. Даже в монастыре ошивался. Самому Святославу люб. А я что? Из детишков пожалованных. Вотчины не имею, княжеский надел поверстали скудный. Одна надежда в тысяцкие

выскочить. А это дело, брат, такое – хоть какой рубака да умница будь, а коли князь не приласкает, так и не видеть ничего.

Любомир, возгря кобыля, хоть чистая баба, а князюшке нашептывать умеет. Большое, брат, дело. Я ему намедни уж поклонился двумя кусками веницейского оксамита, да полотками гусиными копчеными, да окороков парой. А я ведь не один. Сколь ушлых сотников в тысяцкие мечтают выскочить. Кто более поднесет, тому и светит. Так-то, Боян. Да, вот еще что, – Трибор поскреб золотистую щетину, – ты собери-ка все цидулы свои, да отдай мне. Время походное, мало ли что может случиться, а я сохранию надежно.

Я в грамоте не силен, а только вижу – что-то важное ты пишешь, так ты уж не поленись, собери прямо сейчас.

С зарания въ пятокъ
потопташа поганяя плъки половецкыя,
и рассушася стрелами по полю,
помчаша красныя девки половецкыя,
а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.

Денек зачинался хороший. С утра уже было жарко, клубилась дымка над фиолетовым степным горизонтом.

Островки ракиг, терновника манили под свои благодатные покровы. Хорошо бы там, под сводом наглухо сплетшихся ветвей, бросить плащ, повалиться, уложив голову на руки.

И спать, спать. Чарку доброго меда, закусить чем-нибудь холодненьким. Потом носом в лопухи – и спать. И желательно вовсе не просыпаться.

Нет уж. Игорь потер пергаментные щеки – съели заботы. Страшно. Решился на великое дело, а страх вот он – стоит за плечами, заставляет болезненно поджиматься все тело. Ах, сколько сил потрачено и вдруг не выйдет.

Слава те, Господи. Всеволод подлетел – румяный, улыбающийся. Осадил коня, привстал на стременах, заорал:

– Честь и слава в Вышних тебе, княже! Чай нам баба с пустым ведром не подвернулась. Старый гридень Демьян проворчал:

– За все злато стола Киевского в Диком поле бабу с ведром не сыщешь.

Всеволод легко скользнул с седла, попрыгал на носках, степенно стащил золоченый шелом, передал его коноводу, махнул поклон:

– Верховный княже. Противу знамений всех, – весело мигнул Игорю, – к твоей удаче, вои мои набежали на богатый половецкий обоз.

Небрежно махнул рукой, вышколенные слуги удалились. Хлопнул брата по плечу, обтянутому коробчатым панцирем:

– Слушай, там чего только нет. Весь обоз половецкий, вся казна там, а девки какие! Темное солнце видели и половцы, а вдруг сей знак для них?

Игорь приосанился, грудь выпятил:

– А что ж, может и так.

Тяжко внутри громыхнуло:

– Да хоть перед собою не ври!

Скрипнул зубами, зажался. Уселся на корневище старой ракиты, долго кусал ноготь. Собравшись, легко вскочил:

– Быть посему.

Голос зазвучал значительно, властно:

– За землю Русскую!

Неспешно вытянул из-за пояса рукавицу, обшитую стальными пластинками, надел ее, протянул руку в цезарском жесте:

– Вперед, братие и дружина!

Пустой брательник Всеволод, по неприличному обычаю своему, хохотнул глумливо:

– Ай, братие, поспешайте. А то ненароком Игорь, осердясь, по заднице накладет – какво перед девками будет? – и пришпорил коня.

Половцев смяли быстро – Всеволод был умельцем в сих делах. Вперед пустили черниговских ковуев и сына Игоря – пусть молодец потешится. Сами остались грабить половецкие вежи.

Дружинники ошалели от свалившегося на них богатства, опьянели от удачи, от дури – поволокли за косы половчанок. Те орали благим матом, теряя украшения, роскошные шапки, опущенные поречьем. Сотники моментально положили конец безобразию: под их плетью лихие витязи заползали на карачках, отыскивая в траве утерянные серьги, налобники и гривны.

Возвращались назад с торжеством. Проходили через прохладный, густой, старый колок с грязью от почти пересохшего болотца. Гривни с шиком кинули под копыта княжеского коня с пяток кожухов, да пару штук дешевой китайки. Челядь потом долго и матерно ругалась сквозь зубы, отчищая барахло: по обычаю, все, что брошено под копыта княжеского коня принадлежало ей.

По случаю легкой победы и большой добычи шибко подпили. Даниил, отдуваясь, выбрался из княжеского шатра.

Смеркалось. По низинам слоился тонкий туман, в ближнем бочажке заливались, ухали лягушки. У костров гуляла дружина, орали песни, вели душевные разговоры.

Куряне водили хоровод, обнявшись, низко, воинственно рычали. В центре низенький коренастый приплясывал, фехтуя двумя мечами – по-македонски. Пламенная сталь вспыхивала крыльями в свете костров.

Даниил задумался, глядя на блистающие веера. Что-то подозрительно быстро удрали половцы, не делая даже попыток отстоять богатый обоз. Потом стал вспоминать пир. Подпили витязи, расхвастались. Шумели, целовались, лаялись, затягивали здравицы в честь князей. Любо было сидеть между ними, поднимать серебряный кубок с крепким медом, ловить почтительные и завистливые взгляды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.